

[Ничтожные слова о ничтожных делах]

Поэт Вл. Пяст¹ один из самых уединенных и не крикливых, объявил, что он читает публичную лекцию: «Поэзия вне групп» (в Тенишевском зале). В программе было разъяснено, что речь пойдет, с одной стороны, о символистах, с другой — о футуристах. Когда я пришел на лекцию, было еще рано, т. е. ровно 8 с половиной часов, — по объявлению. Однако кое-кто уже собрался, и сидели в буфете. За столиком, посредине комнаты, какой-то белокурый юноша, немного трёпаный — или пьяный, или просто кривлявшийся, — держал в руках ваточную кошку, натуральной величины, и иногда поглаживал ее, как живую, иногда размахивал ею, говорил разный вздор, передразнивая при этом «пенье» Игоря Северянина. Все слушали — как «водевиль для съезда». Буфетчица посматривала сочувственно: он привлекал в буфет публику. Когда, наконец, в 9 часов раздался звонок на лекцию, в передних рядах сел человек, в возрасте неопределенном — от 20 до 30 лет, а может быть, и старше, в ярко-желтом ватерпруфе с черной меховой оторочкой. Он, развалившись, откинул голову и смотрел вокруг с видом самым сонным и скучающим. Слева от него сел белокурый юноша с ваточной кошкой, вертел ее в руках и ерзал на месте; направо от желтого ватерпруфа поместился уже знаменитый футурист, имя которого в публике называли, — ничем не выделявшийся, но так же с видом самым унылым. Когда лекция началась, и лектор, нестерпимо кокетничая, заявил, что в его лекции везде, где об этом и не будет прямо сказано, будет незримо веять «он, т. е. футуризм», — белокурый юноша с ваточной кошкой выкрикнул на всю залу: «Глупо!» В публике привстали и сейчас же успокоились. Но когда лектор сказал, что он «опрокинет» свою лекцию и начнет с конца, — юноша с кошкой опять что-то выкрикнул на всю залу — в том же роде. Пристав поднялся со своего места и пошел за сторожем, чтобы его вывести. Юноша немного поартасился, но через минуту уже уходил со словами: «Я сам уйду, если хотите... Глупая лекция Пяста!» И, потрясая в воздухе своей кошкой: «Будете помнить эту египетскую кошку!» — вышел под руку с приставом.

Вместе с ним поднялись и оба его соседа. Лектор не прервал, кажется, ни на одну минуту своей речи в общем замешательстве; лекция продолжалась уже при напряженной и безмолвной скуке всех немногих слушателей. Только один раз вдруг раздался странный звук, как будто звякнуло — так зевают собаки, словно всхлипывают...

Продолжая кокетничать и позировать, может быть и тем, что в лекции не было ничего, кроме общих мест, прерывавшихся чтением стихов, — в той монотонной читке сквозь зубы, которая давно уже набила оскомину, — Пяст заявил, что три гениальных поэта явлены русским людям в этом году: Анна

---

¹ Вычеркнуто: из школы Вяч. Иванова —

Ахматова, Осип Мандельштам и Игорь Северянин, пришедших на смену А. Блоку; о других предшественниках было упомянуто глухо и нелепо. Все три гения сидели тут же и слушали, как их хвалят. Стихов Северянина лектор не прочел, сославшись на их общеизвестность, и только заметил, что внутренняя пошлость их не мешает им быть поэзией, потому что одно другому не противоречит. Игорь Северянин остался, наверное, недоволен тем, что его стихи не были прочитаны, и мне показалось, что после перерыва его уже не было. Зато были прочитаны стихи Ахматовой и Мандельштама. И те, и другие были сопоставлены с поэзией Блока, и Праст серьезно уверял, читая² трепетные стихи Блока рядом со скучнейшими стихами талантливой³ Ахматовой и мертвеными стихами Мандельштама, что они превзошли своего учителя, и что Мандельштам — ясновидящий. Но среди этого монотонного чтения неярких и вялых стихов только старая «Незнакомка» Блока прозвучала как единственное живое место во всей лекции; а стихотворение З. Гиппиус было прочитано до того сквозь зубы, что показалось скучнее стихов Ахматовой.

После перерыва лектор говорил о футуристах, называя их силой, «роющей поля — ломающей леса», гуннами, великими опустошителями, и приводил в подтверждение образцы их нечленораздельного новаторства, которое он же сам назвал вариацией того, что делали 20 лет тому назад Бальмонт и Белый, и за десять лет Блок. И нельзя было понять, какая же разница⁴ между старым и новым. Но вот что можно было понять, что становится все яснее и яснее: до чего футуризм, как явление литературное, — весь обусловлен грехами его литературных отцов, и до чего — он весь внутри нас! Конечно, футуристы довели до чепухи то, что было и у декадентов, и у символистов, скрестив те два резко противоположные отношения к словесной форме, какие ими были выдвинуты. У декадентов: отрицание слова как ограничения свободной души («Мысль изреченная есть ложь») — во имя ритма; у символистов — особенно поздней, «Вяч. Ивановской» формации — идеализация именно «слова, как такового». Если в футуристическом новаторстве искать чего-нибудь серьезного, то оно — лишь в этом наивном скрещении двух диаметров.

Стремление преодолеть слово — не грех, если это стремление рождено из глубины мистического сознания. Но оно — преступление, если оно подсказано игрой в мистицизм и игрой в слова. И — декаденты не все были мистики, и потому они бывали виновны в этой двойной игре. Идеализация «слова, как такового» развивалась в символизме также на мистической почве. Слово — не только звук, думали они, оно владеет магической силой, как всякий предмет, всякая вещь, всякое явленье. Слово — фетиш, каждое слово в своем корне. Старая романтическая мысль, что слово есть воплощение идеи, что само оно — пустой звук и что оно есть лишь приблизительное вместилище идеи — та мысль, которая и привела декадентов к пренебрежительному

² Далее вычеркнуто: прелестно живые и

³ Далее вычеркнуто: в своей скуче

⁴ Далее вычеркнуто: за футуристов он или нет

обращению со словом, — получила в «школе Вяч. Иванова» и у таких влиятельных поэтов, как Брюсов, свое крайнее противоположение. «Слово — как таковое» — и эта мысль не только не грешна, но настоящее открытие, и декадентство в литературе должно было сдаться в ту минуту, когда это открытие было сделано. И оно сдалось.

Однако правда — и тут, и там. Слово — как всякая форма, есть великая ценность, но не самоценность. Когда Брюсов рекомендовал молодым поэтам, хочешь — не хочешь, сочинять каждый день хоть одно маленькое стихотвореньице для упражнения, он вел поэзию к стиходельчеству. И так называемый «акмеизм» вышел, несомненно, из стиходельчества, талантливы ли его юные представители или нет. Стихи Мандельштама, также как и его учителя Гумилева, потому именно и мертвы. И сам Брюсов сушил свою музу всяческой стилизацией, — и только там он поэт, где он преодолевал стилизацию, а Вяч. Иванов так ее и не преодолел. Это формальный грех отцов: и футуристы⁵ его унаследовали⁶. Между ними и «акмеистами», хотя они и враждовали (не знаю, враждают ли сейчас), есть общее: «слово как таковое» — идеализация формы. Но у футуристов можно было бы видеть то преимущество, что они чувствуют и другую сторону художественно-словесной правды: мысль изреченная есть ложь... Да, ложь! если мысль, будучи живым огнем мира, самого Бога, не прожигает этим огнем — слово. Если же слова прожжены «мыслью», то они жгут. С футуристами можно будет тогда и считаться, когда за их словами откроется их живая душа. Есть ли она в них или нет?

С ними борются, но еще больше выставляют их отцы — символисты (вернее — декаденты), и Праст говорил о них с такой же нежностью, как о Блоке или Белом. Кое-кто и выходил во время лекции, но многие слушали — вникая в футуризм как в явление насущное. Одна девушка (я ее знаю, и знаю, как она увлекается футуризмом; в 1850-х — 1860-х годах она перевязывала бы раны если не русских, то болгар, в 1870-х переживала бы одну из «странных историй») — она подперла голову и смотрела на лектора как на «учителя жизни»...

Вокруг — скука душная. Такая, что упоминать о «душе реакции», которая так невинно занималась в прошлом году ритмической гимнастикой и другими танцами, — уже становится и неловко, и страшно: да где же она? Есть ли душа? хоть какая-нибудь? Не умерла ли? «Русская хандра» — «грезеров», напившихся *crème de violette* и выбрасывавших шоферов из автомобилей, сменилась такой скукой, что все хотят веселиться во что бы то ни стало... Плюнь в лицо, только развесели мою душу!

И не знаешь, что сейчас лучше: кокетничать общими местами о властительности поэзии и называть футуристов богатырями и гуннами или, буркнув на всю залу: «глупо!» — выйти, размахивая ваточной кошкой в воздухе?

---

⁵ Вычеркнуто: и акмеисты

⁶ Вычеркнуто: одинаково

На стороне первых, конечно, культурное общежитие, но внимание к ним тех чистых сердцем, которые ждут слова правды и взамен слышат ничтожные слова о ничтожных делах, относятся не к ним, а к футуристам.

Но кто же вызывает это внимание? На чьей оно совести?

Владимир Гиппиус.